

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
DAUGAVPILS UNIVERSITY

VĒSTURE:
AVOTI UN CILVĒKI

XXI

HISTORY:
SOURCES AND PEOPLE

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS "SAULE"

2018

Максим Моисеев

Пленные Ливонской войны на востоке: люди и судьбы¹

Ключевые слова: Ливонская война, плен, работорговля, «немецкий полон», русско-крымские отношения, русско-ногайские отношения

Ливонская война (1558–1583 гг.) оказала драматичное влияние на значительное число людей на Востоке и Севере Европы. Боевые действия несли не только смерть и разрушения, но и значительное перемещение народных масс. Одни получали поместья в ливонских землях и перебирались туда на жительство, другие попадали в плен и оказывались в совершенно иных ландшафтах, не только географических, но и ментальных. Именно выяснению этих последних и посвящена статья.

Депортация пленных ливонцев нашла широкое освещение в нарративных источниках. Весь драматизм ситуации экспрессивно передал датский посол в Московском государстве в 1578 г. Яков Ульфельдт (*Jakob Ulfeldt*, 1535–1593): «Выехав из Городни, мы прибыли в Тверь. На этом пути повсюду нам встречались татары, возвращавшиеся из Ливонии и везшие с собой очень много пленных (некоторые из них были ранены), мужчин, женщин, девочек и мальчиков. Женщин и девушек, которых они берут в плен, распределяют, делят между друзьями, а иным дают в виде подарка; те ими пользуются по своему усмотрению. Когда они им надоедают, их отпускают, прогоняют и оставляют другим на поругание. О горе и беды людские! Можно ли представить себе что-либо ужаснее, чем попасть под власть подобных тиранов, которые обращаются с христианами не иначе, как с грубыми и неразумными животными? Что, в конце концов, [может быть] плачевнее для супругов, соединенных нерасторжимыми брачными узами, чем быть разлученными и отторгнутыми друг от друга? Мужа от его половины посыпают в Казань или Астрахань против татар, а русский похищает его жену, оскверняет, покрывает позором и бесчестием. Первый падает, изнемогая от раны, второй дни и ночи наслаждается с его женой и предается порокам» (Ульфельдт 2002, 333–334). Впрочем, при-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта – К. Ю. Ерусалимский.

ходится заметить, что судьбы пленных не всегда были столь трагичны. Так, плененные немцы чаще всего оставались в Русском государстве и, приняв подданство, могли встроиться в русское общество и даже образовать Немецкую слободу, так живо описанную Генрихом Штаденом (*Heinrich von Staden*, 1542 — после 1579). Источники по истории ливонских немцев и их судеб были обстоятельно изучены Татьяной Опариной (Опарина 2010, 239–268). Однако судьбы пленных, угнанных или проданных в Крымское ханство и Ногайскую Орду, еще не изучались. В 1561 г. упоминается просьба Исмаил-бия (*Исмәгиль*, *İsməgil*, ум. 1563) разрешить его представителю Бекчуре купить своим женам по «девке немецкой», а для себя бий хотел приобрести двоих полонянок (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 7об. — 8). Это стало первой фиксацией подобной заинтересованности, хотя торговля началась раньше. В дальнейшем Московское государство оказалось довольно глубоко вовлечено в транзит и торговлю пленными. Так, в 1576 г. один из мирз просил у царя разрешения на покупку шести «душ немецкого полону» (*Посольская книга* 2003, 14), и подобные просьбы не были единичны. В результате государству приходилось предпринимать меры для контроля работорговли, чтобы не допустить продажи православного населения. На приставов, сопровождавших ногайских послов и купцов, возлагались контролирующие функции, что фиксировалось в их наказах. Рассмотрим для примера наказ приставу Семену Мальцеву 1583 г. Согласно этой инструкции, покупать «немецкой полон» татары могли только в Москве. Приставу вручались списки пленников, купленных каждым участником ногайского посольства. Чтобы пресечь возможность покупки людей вне Москвы, ногаям запрещалась большая стоянка в Касимове, и продолжительная остановка предполагалась только в Казани, где должна была произойти сверка полона со списками. В случае выявления нарушений пристав должен был изъять «лишний» полон (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583. Д. 1. Л. 1–8). Пристальность контроля русских властей за работорговлей сопровождалась халатным воеводским сыском беглецов из ногайских степей. Официальная позиция царских властей по сыску и возврату ногаям беглецов была выражена в послании Ивана Грозного (1530–1584 гг.) Урус-мирзе от сентября 1576 г. «А вперед которой полон учнет у вас бегати не наше веры, немецкой и ляцкой полон — не токмо в Астарахань, хоти и в Казань, и мы в Астарахань к воеводам писали, а велели тот полон, сыскивая, вам отдавать. А которой полон выбежит в Астарахань наше веры хрестьянской, нам того полону своее веры вам (ногаям. — М. М.) отдавать не пригож» (*Посольская книга* 2003, 54–55).

При анализе дипломатической переписки царя Ивана IV с мусульманскими правителями, а также другой документации посольского ведомства нам удалось выявить несколько казусов, которые заставляют более пристально присмотреться к проблеме «ливонского полона» (и не только) на Востоке.

Первый примечательный случай относится к 1561 г. Уже упомянутый Бий Ногайской Орды Исмаил в одном из своих посланий сообщал: «А о сес год по моему велѣнью купил был мнѣ двѣ дѣвки немецкие и тѣх деи у каменых ворот подговорили и оставили, и ты б их на зимѣ на подводах велѣл взяти» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 7об. – 8). В этой ситуации обращает на себя внимание следующее обстоятельство: полонянки были проданы ногаям по запросу, но на границе сопровождающие посольство русские их подговорили и они сбежали. Итак, русские приставы здесь выступают как прямые нарушители договоренностей правителей. Единичен ли этот случай? Материалы посольских книг заставляют в этом усомниться. Примечательна в этом отношении история с некоей Любкой, которая упоминается в посольской книге по отношениям с Крымским ханством за 1567–1572 гг. Крымский вельможа Сулейман-ишан (Сулеш-бек) жалуется, что путевльский наместник в 1566 г. оставил у себя его полонянку, которую вез к нему его человек Кучелек. Сулеш указывает, что это не единичный случай. Ранее (скорее всего, за год до описываемых событий) в Путивле у его сокольничего Хуреши забрали трех пленников. Русская сторона признавала существование практики задержания купленных крымцами полонянников в Путивле и даже ожидала таких претензий в переговорах, что нашло отражение в наказе Ивану Ратаеву сыну Чабукову. Свое нежелание отдавать пленников татарам объясняли просто: хан писал о своих претензиях, но имен пленников не указывал, не смогли сообщить их имена и крымские гонцы: «И того было сыскати не по чему, коли в грамотах о том безымянно». Имя этой полонянки было выяснено: ее звали Люба. Она приглянулась путевльскому наместнику князю Григорию Мещерскому, и он забрал ее, не заплатив. Сулеш предлагал отдать ему за ранее задержанных полонянников (двух человек) 35 рублей (половину рублев) и эту самую юнку. Это предложение нашло поддержку у русской стороны, и Сулешу было обещано в декабре 1570 г., что как только отыщут Любку, то ее отправят к нему вместе с деньгами. Татары сообщали, что Любку украл дворник, а наместник не захотел возмещать убыток, хотя стоимость Любки составила 15 рублей. В конце концов, в Москве за Любку крымскому дипломату Боре выдали 10 рублей и

сочли инцидент исчерпанным (*Посольская книга* 2016, 192, 219–220, 270–271, 293–294, 310).

Интересно, что ситуация была относительно разрешена только после вмешательства калги². Денежная сумма была уменьшена по сравнению с запросом. Так, за мужчин татары просили 35 рублей – получили 20, а за Любу вместо 15–10 рублей (*Посольская книга* 2016, 310, 321). Интересно, что финский историк Юкка Корпела (*Jukka Jari Korpela*, 1957) пишет о более высокой стоимости «ливонского полона» по отношению к русским пленникам в Крыму (Korpela 2014, 192). Но данный случай позволяет усомниться в этом утверждении.

Еще один примечательный казус, связанный с выкрадыванием пленников, зафиксирован в посольской книге по связям с Крымским ханством за 1571–1577 гг., подготовленной к печати коллективом исследователей, возглавляемом И. В. Зайцевым (1973). Суть этой истории в следующем. Около 1573 г. в Москву поехало крымское посольство. Был в этом посольстве некий Мурат, гонец Алп-Гирея-султана. В Ярославце он признался толмачу Ахмету Радионову, что он «русин» и зовут его Истома, и хочет он вернуться на родину. Царь Иван Васильевич повелел сыну боярскому Юрию Темиреву и дьяку Семену Косткину этого Истому взять из крымского посольства тайно, «чтоб крымские гонцы того не сведали». Происшедшее далее было то ли итогом удачной «спецоперации», то ли невоздержанности крымских гостей. По дороге из Звенигорода в Углич гонцы перепились и «учали на подводах скакати», и в этот момент Истома-Мурат скрылся в лесу. В Москве он сообщил, что зовут его Истома Иванов сын Лошкин, владимирец. Рассказ о его приключениях был таков: «...полонили его казанские люди невелика под Василем-городом тому лет с полчетвертатцать. И был в Бухарех, а из Бухар – во Царе-городе, а изо Царя-города пришел в Крым и жил в Козлеве. И мысль его давно была: веры християнские не забыл, давно хотел на Русь, да случеи не были. А для того он и руской язык в Крыму потаил, а говорил по-тотарски, чтоб про него не сведали, что он бывал рус. А ныне, как отпустил царь ко государю гонцов своих Девлет-Килдея с товарыщи, и он был челом Девлет-Килдею гонцу и дал ему от того дватцать золотых да две тысячи оттоманок, чтоб его с собою взял к Москве за своего человека, а назвал бы его

² Калгá (крым. *qalğa*, قالغا; *qalğay*, قالغاي) – титул второго по значимости после хана лица в иерархии Крымского ханства.

чым-нибудь гонцом. А Девлет-Килдей его с собою взял...» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн 14. Л. 285, 289–289об., 297об.–298об.).

Итак, мы привели три истории о полонянинах, которые имеют общие черты, главная из которых – это факт выкрадывания. В случае с Истомой-Муратом очевидна роль государства, но в других рассмотренных случаях вмешательство властей неочевидно. Однако в своей совокупности эти случаи заставляют предполагать наличие некоей политики Московского государства, направленной на минимизацию числа христианских пленников в мусульманской неволе. Впрочем, не стоит преувеличивать гуманистический посыл подобных действий. Подобная практика имела конечной целью «насыщение» недавно завоеванных русскими мусульманских земель христианским населением, что и было зарегистрировано в писцовых книгах и актах.

Список источников и литературы

Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123 (Сношение России с Крымом). Оп 1. Кн. 14

РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583. Д. 1.

Моисеев М. В., ред. (2016) *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг.* Отв. редактор М. В. Моисеев; подготовка текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, comment. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. Москва: «Фонд «Русские витязи». 400 с.

Посольская книга (2003) *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.).* Подготовка к печати, введение и комментарии В. В. Трепавлова. Москва: Институт российской истории РАН, 2003. 92 с.

Ульфельдт (2002) *Путешествие в Россию.* Отв. редактор Дж. Линд, А. Л. Хорошевич, перевод Л. Н. Годовиковой, ред. перевода В. В. Рыбакова. Москва: Языки славянской культуры. 616 с.

Опарина (2010) Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию. В кн. *Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.* Отв. ред. А. И. Филюшкин. Москва: Квадрига. С. 239–268.

Korpela (2014) Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th century. *Золотоординское обозрение*, № 3: 191–206.

Maksims Moisejevs

Livonijas kara gūstekņi austrumos: cilvēki un viņu likteņi

Atslēgas vārdi: Livonijas karš, gūsts, vergu tirdzniecība, “vācu gūsts”

Kopsavilkums

Rakstā tiek pētītas krievu varas iestāžu nostādnes jautājumā par kristiešu gūstekņu pārdošanu musulmaņiem. No vienas puses, tatāri Livonijas karā bija Maskavas valsts sabiedrotie; no otras puses, pastāvēja aizliegums pārdot kristiešus musulmaņiem. Cara valdība izstrādāja oficiālu pozīciju, saskaņā ar kuru valdība ne tikai aizliedza pārdot pareizticīgos, bet arī atteicās viņus izdot bēgšanas no tatāru gūsta gadījumā, turklāt citas konfesionālās piederības kristieši varēja būt pārdoti. Atklātās ārlietu grāmatas konkrētās epizodes liecina, ka krievi izzaga no tatāriem kristiešus un slēpa bēglus neatkarīgi no viņu konfesionālās piederības. Tādas prakses mērķis bija “piepildīt” nesen iekarotās musulmaņu zemes ar kristiešiem.

M. Moiseev

Prisoners of Livonian War in the East: people and fates

Key words: Livonian war, prisoner, slave, “German captive”, the Russian-Crimean relations, the Russian-Nogai relations

Summary

The Livonian war (1558–1583) had dramatic consequences for all of its participants. Considerable destruction, economic decline, and demographic change were its consequences that concerned not only Muscovy and Livonia. During the war, masses of people were ripped from their familiar surroundings and forcibly displaced to other landscapes and social practices. The fate of the Livonian Germans who moved to Moscow has repeatedly attracted the attention of scientists. However, the fate of those who transited through Moscow and fell captives in the Crimean khanate and the Nogai Horde has not yet been studied. It is possible to explore this question by drawing from the notes of foreigners about Russia (especially Ulfeldt) and diplomatic documents on the relations with the Crimea and the Nogais. The analysis of diplomatic correspondence made it possible to identify a number of messages of Ivan the Terrible and his answers about the fate of “Livonian Polon”. Most unexpected was the fact that the representatives of local and grassroots administrations prevented ingress of prisoners of Latvians and Germans in captivity with the Muslims. Some cases show a subtle resistance to the practice of

paying for services of the Tatar groups of prisoners. It is obvious that the rejection was caused by the fact of the deportation of Christians in Muslim captivity. But can it be stated that the Russian people of the 16th century were guided solely by considerations of Christian unity? Probably, this was not the case. After all, the majority of escaped or kidnapped Livonians and Lithuanians could not return. They replenished the number of servants and peasants of the conquerors or later began to populate the lands of the Volga region.